

*С благодарностью Константину Богуславскому за
помощь в работе над этой книгой*

Когда подпись поставлена, странная (как и все продавцы недвижимости) женщина говорит:

— Поздравляю! Я за вас очень рада! Вы такой хмурый, а зря! Я отдала вам лучший объект по соотношению цена — качество!

Риелтор вытаскивает из сумочки губную помаду и, не обращая внимания на теперь уже бывшую владелицу, продолжает басыть:

— У нас с вами, так сказать, ситуация вин-вин! Вы, кстати, с кем здесь собираетесь жить?

— С дочкой, — разглядывая детский сад во дворе, отвечаю я.

— А сколько ей?

— Три месяца.

— Как славно! Молодая семья! Поверьте, вы еще будете меня благодарить!

— За что?

— Как это за что?! Я же вам рассказывала! Вы такой рассеянный! На лестничной площадке всего одна соседка! Она — ни много ни мало — одинокая девяностооднолетняя старушка, страдающая болезнью Альцгеймера. Это же настоящий джекпот! Подружитесь, перепишете квартиру на себя.

— Спасибо! — не поднимая глаз, зачем-то отвечаю я.

Квартира пуста. Ни стула, ни кровати, ни стола. Я разбираю сумку. Прежняя владелица все никак не может уйти. Женщина стоит у окна и, гоняя по кругу воспоминания, словно утюжа белье, разглаживает маслянистые складки подоконника. Зря, я все равно здесь все поменяю.

— Вы сегодня один останетесь?

— Да.

— А спать-то где будете?

— У меня есть спальный мешок и электрический чайник...

— Если хотите — можете у меня.

— Нет.

Женщина капитулирует. Я слишком молод для нее. Взяв под локоть бывшую хозяйку, риелтор наконец покидает квартиру. Оставшись один, я сажусь на пол.

Вот и все, думаю я, занавес. Жизнь закончилась — жизнь начинается вновь. Трансцендентный ноль. К тридцати годам я

оказываюсь человеком с разорванной надвое судьбой. Мне предлагается попробовать еще разок. Я не знаю, что тут можно возразить. Самоубийство — не мое; к тому же у меня теперь есть дочь.

Едва ли я вспомню, о чем думаю в тот вечер. В голове туман, в луче света вальсирует пыль. Больше здесь ничего и нет. Часовая передышка перед очередной попыткой жить. Первая история закончилась, вторая должна начаться вот-вот. Пропасть и подвесной мост в виде человека. Если хочешь попасть на тот берег, перекинь сам себя. У счастья всегда есть прошлое, любит повторять моя мама, у всякого горя непременно найдется будущее.

Будто выброшенный крушением мореплаватель, я решаю изучить неизвестный остров. Город Минск. Зачем я вообще приехал сюда? Пускай и братская, но все же чужая страна. Красный костел и широкий проспект, какой-то лысеющий поэт и гроб Дворца Республики. Десятки построек и ни одного воспоминания. Незнакомые окна, чужие лица. Что это вообще за страна такая? Что я знаю про этот город? Ничего. Здесь у моей мамы вторая семья.

Перед подъездом валяется стопка выброшенных книг. Я смотрю на одну из них. Якуб Колас. «Новая зямля».

Поднявшись на четвертый этаж, я обнаруживаю на входной двери красный крест. Небольшой, но яркий. Наверное, риелтор так пошутила, думаю я. Оставив у лифта пакеты, я принимаюсь оттирать крест, но в этот момент знакомый голос за спиной говорит:

— Что вы делаете?!

— Очищаю дверь, — не поворачиваясь, отвечаю я.

— Зачем?

— Здесь какой-то кретин нарисовал крест.

— Приятно познакомиться! Кретин, о котором вы говорите, — я. Недавно мне поставили болезнь Альцгеймера. Пока страдает только короткая память — иногда я не помню, что случилось со мной несколько минут назад, но врач обещает, что совсем скоро испортится и речь. Я начну забывать слова, а затем потеряю способность двигаться. Так себе перспектива, правда? Кресты расставлены здесь затем, чтобы я находила дорогу домой. Впрочем, судя по всему, совсем скоро я забуду и то, что они обозначают.

— Мне жаль, — стараясь быть вежливым, отвечаю я.

— Бросьте! В моем случае только так все и могло закончиться!

— Почему?

— Потому что бог боится меня. Слишком много неудобных вопросов его ожидает.

Соседка опирается на трость и тяжело вздыхает. Я молчу. Меньше всего сейчас мне хочется говорить о боге. Пожелав старушке добрых снов, я беру пакеты с едой и собираюсь войти в квартиру.

— Вы что же, даже не представитесь?

— Александр, меня зовут Александр.

— И давно вы разговариваете с женщинами спиной?

— Простите. Меня зовут Саша, и вот мое лицо. До свиданья! — наигранно улыбнувшись, отвечаю я.

— Значит, то, как меня зовут, вас не интересует?

Нет. Не интересует. Черт, что же за назойливая старуха?! Чего она вообще хочет от меня?

Мне нужно попасть домой. Закрывать глаза и наконец проснуться. Предыдущие тридцать лет этот фокус срабатывал. Все самое жуткое, самое страшное все — случалось со мной только во сне и никогда наяву. Я был счастлив и не знал скорби, весел был и не знал беды. Последние месяцы выдались слишком тяжелыми. Черт, я просто хочу отдохнуть!

— Меня зовут Татьяна... Татьяна... Татьяна... ох... забыла отчество... Шучу! Меня зовут Татьяна Алексеевна. Я очень рада знакомству с вами, плохо воспитанный молодой человек!

— А я нет.

— Правда?

— Неправда — мне просто все равно. Простите, у меня сегодня тяжелый день...

— Понимаю! У всех нас тяжелые дни. Тяжелые месяцы, тяжелые жизни...

— Очень приятно было с вами познакомиться, Татьяна Алексеевна. Всего вам самого хорошего! Счастья, удачи и всех жизненных благ, — язвлю я.

— Знаете, все это только начинается со мной...

Черт, это по-настоящему надоедает! Сперва риелтор, теперь эта старушка. Я не хочу говорить, и соседка, уверен, чувствует это. Более того, понимая, что я воспользуюсь даже секундным люфтом, старушка ни на мгновение не замолкает.

— Да, все это закончится довольно быстро... Через месяц или два... Совсем скоро от меня, как от человеческой судьбы, ничего не останется. Все дело в том, что бог подчищает следы.

— Мне очень жаль... — нехотя отвечаю я.

— Да-да, вы это уже говорили! Я быстро все забываю, но не настолько! Могу я посмотреть, как вы здесь устроились?

— Честно говоря, из мебели у меня только унитаз и холодильник — мне нечего вам показывать. Быть может, через неделю или две?

— Хотите посмотреть, как живу я?

— Да в общем-то сегодня уже, наверное, поздно...

— Не стесняйтесь, Саша, входите!

Нельзя сказать, что я счастлив, но просьбе старушки подчиняюсь. В конце концов глупо спорить с выжившим из ума человеком. Соседка толкает дверь, и я оказываюсь в ее квартире.

Все это больше напоминает мастерскую. Повсюду стоят полотна. Ничего особенного. Я такую живопись никогда не любил. Бесконечные бледные тона. Безысходность в каждом квадрате. Люди безлики, города бесцветны. Впрочем, я мало что смыслю в искусстве.

Посреди гостиной висит темно-серый квадрат.

— Собираетесь начать новую? — заполняя паузу, зачем-то спрашиваю я.

— Вы о чем?

— Я о холсте, что на стене.

— Нет, она закончена.

— Вот оно что! И что же на ней изображено?

— Моя жизнь.

Пфф. Приехали! Фанфары скорби и пафос трагедии. Пожилые люди склонны преувеличивать собственные несчастья. Моя жизнь... Дайте носовой платок! Нет-нет, лучше два! Старикам кажется, что беды случались только с ними. Я чуть было не выпаливаю, что по части горя многим могу дать фору, но вовремя осекаюсь.

— Мне, конечно, рассказывали, что Минск серый город, но не настолько же!

— В этой картине почти нет Минска.

— Я бы сказал, что в этой картине вообще ничего нет.

— Думаете, я ошибаюсь, когда говорю, что это моя жизнь?

— Ничего я не думаю...

— Думаете, вот шел я себе домой, никого не трогал, а тут на тебе: наткнулся на безумную старуху, которая собирается проскулить о собственной судьбе?!

— А вы собираетесь?

— А вам, значит, совсем неинтересно?

— Нет, если быть совсем уж честным.

— И зря. Я хочу рассказать вам невероятную историю. Не историю даже, но биографию страха. Я хочу рассказать вам, как внезапно овладевший человеком ужас способен изменить всю его жизнь.

— Я очень впечатлен, но, может быть, в другой раз?

— Не верите? Ну что ж... Знаете, чуть больше года назад я стояла здесь же, на вашем месте. Это было тридцать первого декабря. Шел снег и заканчивался двадцатый век. Естественно заканчивался, без гипербол, оставалось всего несколько часов. Куранты готовились бить двенадцать, накачанный таблетками президент соседнего государства намеревался сообщить, что устал. В кухне работал телевизор, и в духовке, как обычно, что-то подгорало. Я ни к чему такому не готовилась — ну Новый год и Новый год, сколько таких было в моей жизни? Наберет Ядвига, а больше и некому. Посижу с пирогом, посмотрю «Огонек». Отмечу Новый год сперва по Москве, затем по Минску. Одним словом, я ровным счетом ничего не ожидала от конца столетия, но вдруг позвонили в дверь. Наверное, соседи, подумала я. До вас здесь жила очень хорошая и приветливая женщина — настоящая дочь коммуниста. Ее отец был партийной шестеркой, но она ничего — выросла скромной и порядочной. Вечно смотрела на меня щенячьими глазами, будто извинялась. В общем, я подумала, что она хочет попросить соль или что-нибудь в этом роде, но оказалось, нет! Оказалось, что пришел почтальон! Представляете? Настоящий! Тридцать первого числа! Принес! Письмо, которого я ждала всю вторую половину жизни...

Соседка говорит «вторую половину жизни», и я включаюсь. Впервые за вечер я возвращаюсь в комнату. До этого момента я лишь обозначал свое присутствие, теперь же начинаю внимательно слушать.

— Я посмотрела на стол. Лежит. Обыкновенный конверт. Ожидаешь его полвека, а раскрыть не решаешься. Ничего так в жизни не боялась, как этой бумаги. Наконец выдохнула и разорвала. Оно! Я расплакалась. Провела пальцем под

глазами и шмыгнула носом. К листку больше не притронулась, но позвонила Ядвиге.

«Пришло! Жив!»

«Ты шутишь?!»

«Нет!»

«Далеко?»

«Километров двести от Перми».

«Я поеду с тобой!»

«Давай».

Я набрала справочную. Девушка веселая была, с праздником поздравила.

«Рейс до Москвы в десять вечера есть. Успеете?»

«Успею, коли не помру».

Когда приехала Ядвига, мы выпили чаю и вызвали такси. Оператор сообщила, что нам повезло — Новый год все-таки, у всех дела. «Покажи!» — попросила подруга, и я протянула ей письмо.

Закрыли квартиру, спустились во двор. Таксист стоял у машины. Багажник открыл, но с сумками не помог. «Я шофер, — ответил, — а не грузчик».

Приехали в аэропорт, нашли кассы. Запыхались, дышим тяжело. «Не волнуйтесь, — говорит девушка, — времени у вас много! Долетите до Москвы, а там придется несколько часов подождать».

«Ты когда последний раз летала?» — спросила я у Ядвиги.

«Никогда», — ответила подруга.

Вот тебе и дела. Новый год, две старухи летят незнамо куда...

До Москвы летели хорошо, а второй рейс самолет трясло, будто бог машину ногами пинал. С первого раза сесть не смогли, на второй круг уходили. Люди странно себя вели, помню, даже кричали. Передо мной мужчина какой-то, как пес, подвывал. Впрочем, я его не винила. Страх — он вещь непростая. Я уж знаю, о чем говорю.

Получили сумки — подошел толстяк:

«Вам куда?»

«Вот», — протянув конверт, ответила я.

«Так-то это не здесь. Так-то ехать три-четыре часа. Повезло вам — там мой батя живет».

«Нам бы только до автобуса...»

«Да какой тут автобик-то первого-то числа?»

Утром въехали в городок. Темень, на заснеженной площади мерзнет безрукий вождь. Я спросила: «Почему у Сталина такая маленькая голова?»

«Старую так-то отбили. Заказали в области новую, но они там что-то с размером напутали. На другую так-то все равно денег нет, да и не будет никто ее мастерить, пока эту не отобьют. Вы жить-то где будете?»

«Не знаем», — ответила я.

«Если не боитесь, можете у моего старика. Так-то он мужик неплохой. Тут-ка и сидел. Отпустили — не знал, куда деться, решил остаться, конвоиром устроился. Вот и я тут-ка и родился, за забором. Мать три года как схоронили. Я давно уже в город уехал, а у вас-то тут-ка кто?»

«Человек», — ответила я.

Соседка замолкает. Несколько секунд она безмолвствует, и я успеваю подумать, что стал свидетелем очередного провала памяти, но женщина вдруг оживает и говорит:

— Я родилась в Лондоне в 1910 году...

+

Алексей Алексеевич Белый был человеком добрым и воцерковленным. Он познакомился с мамой Татьяны Алексеевны в 1909 году в Париже, во время «Русских сезонов». Мать ее, Любовь Николаевна Краснова, была балериной и умерла родами. Воспитанием ребенка занялись две женщины: француженка, обучавшая ее слову божьему, и англичанка, следившая за ее осанкой.

Смерть жены резко переменяла Алексея Белого. Некогда человек радостный и доверчивый, в один день он разорвал связь с церковью и всю оставшуюся жизнь посвятил борьбе с невежеством. Во всяком случае, так ему казалось...

По словам соседки, Белый был невротиком. Буквально каждая мелочь выводила его из себя. Если утром какой-нибудь незнакомец желал ему хорошего дня, папенька тотчас расплывался в улыбке и часами рассуждал о высоте, которой достигло британское общество. Если же кто-нибудь, напротив, хамил ему, отец садился у камина и разглагольствовал о несовершенствах этого мира. Во время занятий Алексей Алексеевич часто заходил в детскую и, развалившись в кресле, перебивал гувернанток:

«Никакого бога решительно нет! Наша милая старушка слишком долго жила в допотопной России, единственным достижением которой стал пересмотр минимально необходимого количества пальцев для поклонения духам. Нет бога, дитя мое, как нет и души! Люди есть вид, вид точно такой же, как, скажем, лошади или собаки. Существует мнение, что мы более совершенны... Что ж, в некотором роде да — мы научились строить мосты, пароходы и омнибусы, но на этом наши успехи заканчиваются. Душа, о которой толкует наша трогательная няня, есть не что иное, как ловушка нашего мозга, неплохой капкан, но не более того. Нет никакого царствия небесного и жизни после смерти, ибо нет ничего вне нашей мысли. Голова есть не оружие наше, но наша главная проблема. Мы фатально ошибаемся, когда полагаем, что можем что-то понять. Перефразируя Декарта, я бы сказал, что человек существует, пока заблуждается. Твоя мама умерла в тот день, когда ты родилась, и больше никогда и нигде не появится. Нет ни воскрешения, ни какой-либо другой подобной чепухи. Есть лишь ересь и ложь. Мы должны мыслить себя как представителей вида, которого когда-то не было и которого однажды не станет. Каждую секунду, в протяженности, наш мозг обманывает нас. Подбрасывая надежду, мозг наш натурально издевается над

нами. Собственно, именно это и есть наша отличительная черта, моя дорогая, — самообман».

В 1919 году Алексей Алексеевич Белый решил ехать в Россию. Он вошел в комнату и радостно объявил: «Мы уезжаем! Здесь, в Лондоне, живут старые люди. Новый человек, человек, которым уже не смогу стать я, но которым, безусловно, станешь ты, моя дорогая, живет в России».

Озвучив это довольно странное суждение, Алексей Алексеевич сделал глоток виски и вышел вон. Вопрос с переездом был решен.

Для человека пьющего — Белый был чрезвычайно дельным. Планы непременно реализовывал, задачи решал. Переезжая в Россию, он намеренно не использовал глагол «возвращаться». Отец Татьяны Алексеевны настаивал, что они едут в абсолютно новую страну, аналогов которой не было в истории человечества. Что ж, в некоторой степени он оказался прав.

— Кажется, это было первое восстание, которое мне довелось наблюдать. Наши добрые нянечки наотрез отказались ехать.

«Вот же дуры! — с улыбкой произносил отец. — Неужели не понимаете вы, что теперь это ваша страна?! Как не понимаете вы, что в России произошла не смена власти, но революция духа! И Петроград, и Москва теперь есть города простого человека! Все там отныне устремлено исключительно на улучшение жизни такого вида, как вы, — вида человека обыкновенного!»

Человек обыкновенный... Папа часто повторял: человек обыкновенный. Неприступное словосочетание, правда? Человек обыкновенный... Кто он? Паразит, совершающий подлость, или безымянный герой, творящий подвиг? Человек обыкновенный... Сколько таких мне довелось повстречать? Судьба предложила несколько сотен вариантов, но вот только правильного ответа так и не дала. Порой мне казалось, что человек обыкновенный есть человек плохой, ибо временами только такие люди меня окружали. Мерзость была нормой их поведения, но стоило мне утвердиться в этом заблуждении, как рядом тотчас появлялись люди совершенно иные, люди особенные и чистые. Наверное, самым точным ответом могло бы стать утверждение, будто человек обыкновенный есть человек всякий, но со временем я отказалась и от него, ибо судьба одарила меня знакомством с несколькими совершенно необыкновенными людьми... Впрочем... Впрочем, все это

словоблудие! Вы уж меня простите, Саша, я отвлеклась. Так о чем я вам рассказывала? Ах да, я рассказывала вам о нянечках. В общем, воспитательницы мои, может, и понимали, что Москва вдруг стала городом человека обыкновенного, но ехать в нее ни в коем случае не собирались. Потеряв всякую надежду, они использовали последний, как им казалось, вернейший аргумент:

«Алексей Алексеевич, ладно мы, ладно вы, но подумайте о Таточке! Неужели вы хотите сломить ее судьбу? Неужели не слышали вы об ужасах, что творятся в России? Не лучше ли вам съездить туда одному, а если все и окажется ровно так, как вы описываете, мы с Таточкой приедем к вам годом позже?»

«Нет! — строго ответил отец. — Мы выезжаем в ближайшее время!»

+

Переезд предприняли в начале 1920 года. Пока здравомыслящие люди бежали из страны, Белые двигались в обратном направлении, навстречу ветрам, в эпицентр истории. Новых и принципиально других людей они не увидели, зато в первый же день повстречали три духовых оркестра.

«Чему радуются эти марширующие? — удивлялись няни. — У них нет ни воды, ни газа, ни электричества! Все, чем они могут похвастаться, — выданные мундштуки, к которым примерзают губы!»

«Погодите, голубушки! — радостно отвечал отец. — Посмотрим, как вы заговорите через год!»

«Вы обещали, что мы приедем в страну, где простой человек счастлив, но пока мы слышим лишь про восстания!»

«Говорю же вам, дуры, через год!»

В Москве был голод. Впрочем, отца Татьяны Алексеевны это, кажется, нисколько не волновало. Какие-то люди постоянно помогали семье. Алексей Алексеевич не называл их имена, а в разговорах звучали лишь прозвища. Девочка помнила два: Старик и Лукич. Чем именно занимался отец, она не понимала, но его частые командировки в Европу, судя по всему, стали делом государственной важности.

Вечерами, уложив девочку спать, нянечки шептались в соседней комнате.

«Господи, неужели Алексей Алексеевич ничего не видит? Как не понимает он, что этих людей не исправить и не спасти? Он постоянно говорит о новом человеке, но разве не видит он, что человека этого рождает мертвая земля! Эти красные, конечно, не удержат власть! Уверена, еще десятки лет здесь будет твориться не пойми что!»

«Не знаю, не знаю... — отвечала француженка. — Мне это уже не кажется глупым. Похоже, Алексей Алексеевич действительно проницательнее нас. Расстреляна царская семья — страна уже никогда не будет прежней. Думаю, красные не уйдут. Сложно поверить, что всего несколько лет назад Колчак гостил у нас в Лондоне, а теперь его кончают как собаку...»

«Еще сложнее поверить в то, что Алексей Алексеевич на стороне этих людей... Ох, не кончилось бы это бедой...»

В отличие от нянечек Тане в Москве сразу понравилось. Словно Алиса, она провалилась в сказочный сон.

«Провинция человечества...» — язвила француженка.

«Пригород здравого смысла...»

«Государство, не прошедшее обряд конфирмации...»

Пока нянечки упражнялись в остроумии, девочка с интересом изучала Москву. Столовые, боржом, закуски и воды. Птенцы человечьи. Большеротые товарищи били в барабаны и размахивали красными полотнами. Нянечки закрывали уши, и, замерев на месте, маленькая Таня пыталась прочесть написанные белыми буквами слова: «Гордимся запуском станка». Вот это да! Таня смотрела на ребят, и ей так хотелось держать в руках такой же огромный алый флаг. Ну в самом деле, могло ли ребенку не понравиться в стране строящегося инфантилизма?

Каждый день отправлялись к газетному ларьку. Пока советские мужчины стояли в очереди за «Правдой», нянечки брали «Знамя», «Москву» и «Северное сияние». Совершив ежедневный ритуал, с горой макулатуры выдвигались на прогулку. Все это так увлекало! То и дело Таня застывала на месте, чтобы прочесть какое-нибудь новое слово.

«А что такое “Про-лет-культ”?»

«Не важно!» — в унисон ворчали старушки.

— Меня отдали в «четверку». Экспериментальная школа эстетического воспитания. Полуинтернат. Мы были заняты весь день. Общеобразовательные предметы до обеда, рисование, ритмика и лепка после. Отец был доволен, нянечки, кажется, тоже. Однажды вечером, когда кто-то из папиных друзей спросил, где я учусь, я с гордостью ответила, что в школе для детей одаренных родителей. Довольно точная оговорка. Собственно, так оно и было. Кого угодно сюда не принимали. Здесь учились наследники верхушки. От фамилий наших родителей граждане новой страны теряли сознание, но нам-то было что? Дети есть дети...

Пока Таня лепила квадраты, ее отец, Алексей Алексеевич Белый, не вылезал из Европы. В 1924 году он был вынужден вновь переехать, на этот раз в Швейцарию. Белый курсировал между Женевой и Берлином, а Таня, несмотря на выводок новых репетиторов, была предоставлена сама себе. Берн, Лозанна, Цюрих. Замки, горы, города. Вместе с новыми

воспитателями она путешествовала по Швейцарии и даже думать не могла, что однажды вернется в Москву.

Весну 1929 года Татьяна провела одна. Папа оставался преимущественно в Цюрихе, а она не вылезала из Тичино — итальянского региона Швейцарии. Беллинцона, Локарно, Кьяссо. Она брала с собой листы, мелки и едва ли не каждый день отправлялась рисовать в какой-нибудь новый городок. Однажды — теперь ей почему-то казалось, что это было в воскресенье — Татьяна захала в Порлецу, маленькую итальянскую деревушку на границе со Швейцарией. Десяток каменных домов, полторы церкви. Все как полагается: вино, платаны, колокольный звон. Она рисовала на набережной, когда подошел красивый парень. Высокий, смуглый и черноволосый. Он предложил прогуляться, и Татьяна Алексеевна подумала: а почему бы и нет? Шутки, история деревни, разговор о новом человеке. Ничего особенного — пустая, но милая болтовня. Она рассказывала ему о России, а он говорил, что никогда не был даже в Милане. Они поболтали весь день, и, поняв, что пароход в Лугано упущен, Татьяна решила остаться в маленьком альберго на крохотной виа Сан-Микеле.

Следующим утром был завтрак. Кофе и невероятные булки, за которые можно было отдать душу дьяволу. Он смотрел ей прямо в переносицу, и, смущаясь, она опускала глаза. В тот день они взяли в ресторанчике засохший хлеб и отправились кормить выбравшихся на травку лебедей. Она смотрела на озеро и старалась запомнить его на всю жизнь — ей казалось, что лучше уже ничего не будет. Вечером, когда в темном небе закружили летучие мыши, она даже не испугалась — здесь было так спокойно.

Пролетело несколько дней. Влюбленные забирались в горы и ловили рыбу, ныряли с утесов и целовались. Татьяна поняла, что итальянец станет ее первым мужчиной, но, к сожалению, в вечер, когда это должно было произойти, случилось страшное — Татьяна Алексеевна Белая чихнула...

— На песок, прямо к нашим ногам, упала слизь. Говоря русским языком, из меня вылетели сопли, большущий зеленый сгусток. Мне было так стыдно! Я хотела убежать, но от позора стояла словно окаменевшая. Можно ли вообразить себе ситуацию страшнее? Вы только представьте себе: девушка, влюблена, и сопли... жаж!

Ромео постарался быть джентльменом. Наступив на слизь, он принялся втирать ее в песок, но от этого стало еще хуже. Теперь сопли были и на земле, и на его подошве. Ромео

улыбнулся, попытался пошутить, спросил что-то про то, как это будет по-русски, но Татьяна разрыдалась. Никогда раньше она так не ревела. Ромео решил обнять ее, но девушка оттолкнула его и побежала в сторону гостиницы.

Несколько дней Татьяна Алексеевна проплакала в своем номере. Ромео стоял под балконом, но Джульетта не открывала ставни. У Джульетты был насморк, позор на роду и температура 39. К ней приходил доктор, и, глядя на пилюли в его красивом кожаном чемоданчике, несчастная думала, что хочет выпить их все. Вслед за доктором стучался портье. Незнакомый, но сочувствующий итальянец просил впустить уже наконец этого несчастного Ромео. В соседний номер заселилась русская семья. Белые эмигранты, часами рассуждавшие о роли великой литературы. Денег на эти занятия в Швейцарии у них больше не было, а потому о долге русской словесности чесали в итальянской деревушке. Татьяна Алексеевна сидела, прижавшись к тонкой стене, вытирала текущий нос и слушала, что задача русских писателей состоит (прежде всего!) в демонстрации возможностей и многообразия великого языка. Перед ее глазами Ромео размазывал по песку сопли, и женщина за перегородкой продолжала твердить, что писатель обязан, сохраняя традиции, говорить широко и сильно. «У нас не осталось большой книги! — констатировала женщина за стеной. — Романы, за исключением папиного, бесцветны и чрезвычайно просты. Мы живем в фантастически неурожайные времена! За последние годы, не считая, повторюсь, папиной книги, мы получили, быть может, один-два хороших текста, два-три неплохих и пяток пристойных».

Ромео размазывал сопли по песку, и русская литература чахла. Ромео втирал сгусток слизи в итальянскую землю, и великая русская литература слабела. Туда-сюда, словно танцор, Ромео водил ногой, и Таня понимала, что несчастна и влюблена.

— В ночь перед отъездом мой любимый забрался в окно. Я закричала с такой силой, что он успел лишь бросить письмо и выпрыгнул обратно... Из записки следовало, что он будет ждать меня всю жизнь, ждать не в Вероне, но здесь, на озере Лугано, в маленьком итальянском городке Порлецца. «Хорошо, проверим», — подумала я.

— Ну вы ведь поправились?

— Что?

— Я говорю, вы поправились? Сопли-то прошли?

— Ах, сопли... Нет, не прошли. Я не выздоровела, но уехала. Папа прислал за мной помощника, и по дороге в Цюрих я узнала, что отец болен. «Состояние не критическое, но доктора на всякий случай советуют ему вернуться в Москву».

«На какой такой случай?» — спросила я.

«Вы сами все увидите», — ответил водитель...

Отец умирал. Воспаление легких, обернувшееся семейной трагедией. Хотя никто об этом не говорил, но все понимали, что едут в Москву хоронить Алексея Алексеевича. За несколько недель до смерти благодаря своим знакомствам он сумел устроить дочь в Университет. Так осенью 1929-го случилось второе и роковое путешествие в Москву.

+

В конце первого курса к Татьяне Алексеевне подошел безликий человек. Мужчина отвел ее в сторону и спросил:

«На скольких языках вы изъясняетесь?»

«Кто вы?»

«Отвечайте!»

«На французском, итальянском, английском, немецком и русском».

«На всех говорите без акцента?»

«Только на советском», — с язвительной улыбкой ответила девушка.

— Незнакомец взял меня под руку и объяснил, что бояться нечего. Во-первых, отец мой был человеком надежным, во-вторых, мне представляется возможность послужить делу Великого Октября.

Татьяна Алексеевна не боялась. Во всяком случае, тогда. Она мало что понимала, а потому, когда тот человек начал вербовку, ни в коем случае не робела.

«Сами работайте на свой дождливый месяц!» — высвободившись из его объятий, фыркнула я. Он снисходительно улыбнулся и пошел за мной по коридору. Спустя несколько минут человек из органов предложил мне пройти курсы стенографии и машинописи. Вот это уже было интересно!

«Зачем?» — спросила я. Он объяснил. Его аргументы показались мне убедительными, и я согласилась. Вот так, год спустя после переезда в Москву, я вдруг стала корреспондент-машинисткой в НКВДе.

— Что такое НКВД?

— Народный комиссариат иностранных дел, теперешний МИД. Удивительное место! В первое время мне, кажется, даже нравилось. Интересные люди, увлекательная работа. Другой мир! Ничего общего с тем, что я наблюдала на улице. Уехать в Европу я больше не могла, зато появилась возможность быть чуточку ближе к дому.

Со временем ей стали доверять. Каждый день через ее руки проходили десятки документов. Шифровки, донесения, обращения иностранных граждан. Письма заграничных коммунистов, переводы и воззвания. Она любила повторять, что в кабинете стоит вечная осень, потому что листы то и дело падали на ее стол.

— У меня появился друг! Да-да, самый настоящий! Пашка Азаров. Младше меня всего на год. Юный, образованный и веселый. Как и я, он родился за границей, правда, не в Лондоне, а в Генуе. Пашка как-то сказал, что у нас много общего, ведь именно генуэзцы подарили англичанам флаг с красным крестом. Мы были моложе большинства сотрудников, к тому же имели похожие воспоминания. Милан, Верона, озеро Гарда. Самые удивительные места хранились в нашем совместном архиве памяти. Я работала с документами, Паша был помощником наркома. Он нравился мне, но я понимала, что между нами ничего не может быть — мы дружили, как мальчишки.

НКВД в то время располагался на Кузнецком Мосту. Во время обедов друзья часто сидели в маленьком сквере напротив. Вокруг колесили английские автобусы «Лейланд», и, разглядывая их, Татьяна Алексеевна представляла, что возвращается в Лондон.

— У нас даже была такая игра: мы закрывали глаза и приглашали друг друга в родные города. Азаров водил меня по Генуе, а я гуляла с ним по Тайт-стрит, где когда-то жили Марк Твен и Оскар Уайльд, по Тайт-стрит, где когда-то стоял мой дом.

Соседка вновь повторяет слово «дом», и я отвлекаюсь. Поразительно, как привычные, затертые звуки могут вдруг обрести новый смысл. Отныне, произнося это слово, я буду подразумевать новую точку и другой город. Дом прошлый и дом возникающий, дом детства и дом тишины. Глядя на пакеты с едой, я думаю, что нужно позвонить маме и узнать, как там дочь.

— Вы дважды взглянули на часы, Саша. Вам совсем неинтересно?

— Нет-нет! Наверное, даже интересно... Просто знаете, у меня сейчас не самые веселые времена. Переезд, другая страна. Чувствую себя немного растерянным.

— Почему вы перебрались сюда?

— Подумал, что так будет лучше для дочери.

— Красивая она у вас?

— Не знаю, пока сложно сказать.

— Я всегда была некрасивым ребенком. С другими случаются трансформации, когда в восемь ты еще чертенок, а в десять уже вроде и ничего, но это не моя история. Подобно Советскому Союзу, в безобразии своем я была

стабильна. Кажется, мне было лет двенадцать, когда папа зачем-то сказал: «Не расстраивайся, зато ты у нас умная!»

Воистину, мужчины — бесчувственные существа! Если бы кто-нибудь взял на себя труд объяснить им, что одна такая фраза способна травмировать девочку на всю жизнь! Впредь я всегда стеснялась себя. Впрочем, вряд ли это интересовало моего отца — он строил новый и совершенный мир. И пока папа пытался наладить отношения с Западом, я спрашивала у нянечек, почему он не любит меня. Тетушки не отвечали, но лишь гладили меня по голове. Папа же не сдавался! Уже в Москве, перед самой смертью, он вернулся к этому разговору:

«На самом деле ты у меня очень красивая! Просто должен появиться человек, который сумеет разглядеть твою красоту».

Отец мой мог бы на этом и закончить, но для чего-то продолжил:

«Ты как конструктивистское здание!»

Да-да, представляете, он так и сказал:

«Ты, моя милая, как конструктивистский дом. Сейчас еще не все понимают твоей красоты, но, поверь мне, пройдут годы, и тобой будут восхищаться!»

Странно, что о функциональности моей он ничего не сказал. Самое смешное, что папенька оказался прав — моим мужем стал архитектор. Папин тезка, Леша. Муж часто повторял, что влюбился в меня с первого взгляда, что тогда, впервые увидев меня в сквере против НКВД, не смог оторвать глаз. Глупость какая, но что ж...

Они познакомились летом 34-го. Время медленного фокстрота и подступающей жары. К этому моменту в ее жизни проскользнули несколько мужчин, но следа не оставили. Каких-либо иллюзий на собственный счет у Татьяны никогда не было.

— Как там говорили? Третий сорт еще не брак? Вот это про меня. Я понимала, что со мной остаются не от хорошей жизни. В общем, когда Леша подсел ко мне знакомиться, я вдруг подумала, что он шпион. Нет-нет, я серьезно! К тому времени я уже почти пять лет жила в Москве, работала в НКВД и по части страха успела поднатореть. Когда незнакомец заговорил со мной, я решила, что он иностранный агент. Все это выглядело так странно. Я сижу себе, уродина, и вдруг *на тебе* — такой красавец и знакомится со мной.

Несколько первых дней она не разговаривала с ним. Естественно. Думала, проверяют. Леша здорово шутил, но

Конец ознакомительного фрагмента.
Для приобретения книги перейдите на сайт
магазина «Электронный универс»:
e-Univers.ru.